

Родом с Чистых прудов

Юрий Нагибин:
жизнь и судьба

УДК 821.161.1.09(084.121)
ББК 83.3(2=411.2)6я6
Р61

12+

Для детей
старше
двенадцати
лет

Издательская программа Правительства Москвы

*Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке
Департамента средств массовой информации
и рекламы города Москвы*

Р61 **Родом с Чистых прудов.** Юрий Нагибин: жизнь и судьба. / Авторский коллектив газеты «Вечерняя Москва» — М.: Вечерняя Москва, 2017. — 352 с.: ил.

ISBN 978-5-906356-15-4

Юрий Маркович Нагибин (1920–1994) — выдающийся русский писатель-прозаик, литературовед, знаток кино, живописи и музыки, автор многих монографий о деятелях искусств, журналист, киносценарист. Учился на сценарном факультете ВГИКа (1939–1941). Литературную деятельность начал в 1939 году, еще будучи студентом. В 1941 году, не закончив институт, ушел на фронт. Участник Великой Отечественной войны. После ранения работал военным корреспондентом в газете «Труд». Большинство рассказов Нагибина, объединенные общей темой, «сквозными» героями и образом повествующего, складываются в циклы — военный, охотничий, историко-биографический, цикл путевых рассказов. Опубликовал сборники «Перед праздником» (1960), «Далекое и близкое» (1965), «Переулки моего детства» (1971), «Остров любви» (1977), «Река Гераклита» (1984); повести «Поездка на острова» (1986), «Встань и иди» (1987) и другие. Один из самых экранизируемых писателей: по его сценариям сняты фильмы «Председатель» (1964), «Бабье царство» (1968), «Красная палатка» (1969) и другие. Похоронен на Новодевичьем кладбище Москвы.

УДК 821.161.1.09(084.121)
ББК 83.3(2=411.2)6я6

ISBN 978-5-906356-15-4

© АО «Редакция газеты „Вечерняя Москва“», 2017

Содержание

Пролог

Очень московский писатель. <i>Вместо предисловия</i>	8
Автобиография	14

О Москве

Всполошный звон. <i>Отрывок из книги</i>	36
--	----

Алла

Жить вне Москвы и вне русского языка он не мог. <i>Интервью с Аллой Нагибиной</i>	76
Рассказ синего лягушонка. <i>Рассказ</i>	96

О себе

Детство. <i>Отрывок из рассказа</i> <i>«Чистые пруды»</i>	122
Школа. <i>Отрывок из рассказа</i> <i>«Школьный альбом»</i>	146
Друзья. <i>Отрывок из рассказа</i> <i>«В те юные годы»</i>	172
Семья. <i>Отрывок из романа</i> <i>«Встань и иди»</i>	190
Про войну. <i>Отрывок из романа</i> <i>«Дафнис и Хлоя эпохи культа личности, волюнтаризма и застоя»</i>	202
Дом на Зубовском. <i>Отрывок из романа</i> <i>«Моя золотая теща»</i>	208
Про собаку. <i>Отрывок из рассказа</i> <i>«Гимн дворняжке»</i>	214
Из дневника	220

Дневник 37-го года	240
---------------------------------	-----

Беседы

Юра стал нашим крестным отцом в кино. <i>Владимир Краснопольский</i>	254
Мы очень нежно относились к Юрию Марковичу. <i>Всеволод Шиловский</i>	264
Нагибин умел произвести впечатление. <i>Виктория Токарева</i>	272
Работа с Нагибиным была наслаждением. <i>Андрей Кончаловский</i>	284
Эхо. <i>Рассказ</i>	292

Нагибин и «Вечерка»

В «Вечерней Москве» и «Вечернем клубе»	314
--	-----

Приложение

Адреса в Москве	328
Библиография	330
Фильмы, снятые по сценариям Нагибина	332
Награды	339

Эпилог

Человек, который никогда себе не изменял. <i>Интервью с Александром Куприяновым</i>	344
--	-----

O Mochbe

Вспоминая звон

Отрывок из книги Юрия Нагибина

Памятник А. Грибоедову
на Чистопрудном бульваре

Наши дни. Утки на Чистом пруду >

Фотографии прошлых лет подписаны Юрием Нагибиным в 1994 году.

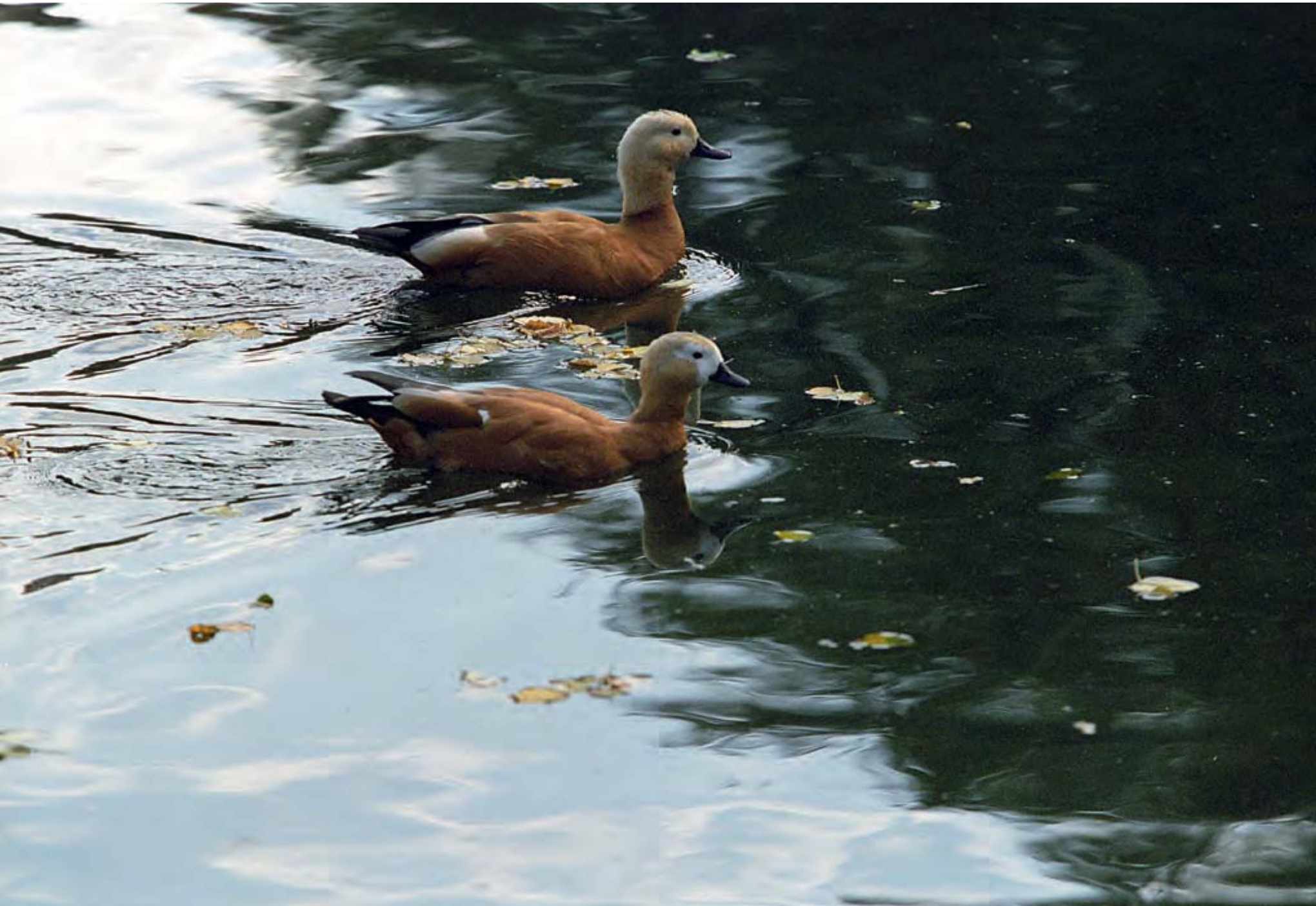
Современные фото сделаны корреспондентами «Вечерней Москвы» в 2016–2017 годах

«Из бульваров на месте стен бывшего Белого города, составляющих зеленое ожерелье вокруг древнейшей части Москвы, Чистопрудный бульвар является наиболее примечательным: летом он привлекает посетителей густой тенью своих аллей и прогулкой на лодках, зимой — катком на его пруду» — так начинает свой рассказ о Чистых прудах Сытин. Тут все правильно, но...

Чистые пруды... Для иных это просто улица, бульвар, пруд, а для меня — средоточие самого прекрасного, чем было исполнено мое детство, самого радостного и самого печального, ибо печаль детства тоже прекрасна.

Было время, я знал там каждую скамейку, каждое дерево, каждый куст крапивы возле старой лодочной станции, каждую световую надпись «Берегись трамвая!», мигающую красным на переходе. У Телеграфного переулка в слове «берегись» три последние буквы не загорались, получалось красиво и загадочно: «Берег трамвая». И сколько же свиданий значалось на этом берегу! Мы, мои сверстники и я, не береглись трамвая, как в дальнейшем не береглись жизни. Мы перебежали рельсы напере-

И. Зарудный. Церковь Архангела Гавриила (Меншикова башня), летняя, в Патриаршей Гавриловой слободе (в Телеграфном переулке). 1701–1707 годы. Фрагмент. Фото 1970-х годов

Наши дни. Вид на Меншикову башню. Пересечение Кривоколенного и Архангельского переулков. «Сквер Победителей». На переднем плане — памятник Георгию Победоносцу

рез трамваю перед самой тормозной решеткой, садились и прыгивали на ходу, промахивали все Чистые пруды, повиснув на подножках, обращенных к железной ограде бульвара, стоя и сидя на буферах, а то уцепившись сзади за резиновую кишку и ногами скользя по рельсе, но это можно было только зимой, когда рельсы покрывались наледью. Для нас, городских мальчишек, трамваи были тем же, чем волки и медведи для ребят таежной глуши, дикие кони для детей прерий. Дело шло напрямую: кто кого? И я думаю, что мы не были побежденными в этой борьбе...

Чистые пруды — это чудо первого скольжения на коньках, когда стремящиеся лечь плашмя «снегурочки» становятся вдруг послушными, прямо, стройно режут широким лезвием снег, и ты будто обретаешь крылья. Чистые пруды — это первая горушка, которую ты одолел на лыжах, и я не знаю, есть ли среди высот, что приходится нам брать в жизни, более важная, да и более трудная, чем эта первая высота. Чистые пруды — это первая снежная баба, первый дом из глины, вылепленные твоими руками, и пусть ты не стал ни ваятелем, ни зодчим — ты открыл в себе творца, строителя, узнал, что руки твои могут не только хватать, комкать, рвать, рушить, но и создавать то, чего еще не было...

Чистые пруды — это целый мир чудесных неожиданностей. Милые, скромные чудеса моего детства! С дерева спускается широкий холст, на холсте намалеваны белая мраморная балюстрада, строй кипарисов, море, в море корабль с раздутыми парусами, а надо всем этим серебряная колбаса — дирижабль с гондолой. Уставившись на холст то слепым, черно заколпаченным, то живым стеклянным глазом, покоится на растопыренной треноге коричневый деревянный ящик, который за десять минут может подарить тебе твое изображение на фоне моря, среди кипарисов, с дирижаблем над головой. Для этого нужно, чтобы маленький чернявый человек усадил тебя под кипарисом, затем припал к аппарату, накрыл себя черной тряпкой, резко крикнул: «Спокойно, снимаю!», после чего, сняв колпачок с выпуклого глаза аппарата, описал рукой плавный круг и вновь прикрыл глаз. Иногда человек, прежде чем снять колпачок, говорил: «Смотрите сюда, сейчас вылетит птичка». Я свято верил этому, хотя птичка никогда не вылетала и, видимо, навсегда осталась в деревянном ящике...

На Чистых прудах ходили китаянки с крошечными ступнями, оставлявшими на песчаных дорожках бульвара детский, лишь более глубокий

след. Мы нередко отыскивали их по этому следу: китайки продавали бумажные фонарики, мгновенно сгорающие, едва вставишь в них свечку, голубые, красные, желтые, оранжевые шарики на длинных резинках, — набитые опилками, эти шарики чудесно подскакивали на резинке, возвращаясь прямо в ладонь, но удивительно скоро начинали сочиться опилками, съеживались и умирали; трещотки на спичке с сургучной головкой; причудливые изделия из тонкой сухой гофрированной цветной бумаги — с помощью двух палочек им можно было придать различную форму, от шара до улитки, но существование их отличалось, увы, такой же мотыльковой краткостью.

Чистые пруды были для нас и школой мужества. Мальчишки, жившие на бульваре, отказывали нам, обитателям ближних переулков, в высоком звании «Чистопрудных». Они долго не признавали нашего права на пруд, становившийся зимой катком с неровным, бугристым, но все равно самым лучшим и быстрым льдом на свете. Смельчаки, рисковавшие приблизиться к запретным благам, беспощадно карались. «Чистопрудные» пытались создать вокруг своих владений мертвую зону.

Мы выступили против «чистопрудных» единым фронтом. Ребята с Телеграфного, Мыльникового и Лобковского наголову разбили их в решительной схватке возле «Колизея».

Это все недавнее прошлое Чистых прудов, молодость моего поколения, а теперь — немного истории.

Бульвар разбили в XIX веке, но местность, отведенная под него, известна с XVI века. Возле Мясницких ворот находился так называемый Животинный двор — рынок, где торговали скотом. Позже там расположился Государев боевой двор — попросту бойня и, как положено, Мытный двор: с каждой копейки, заработанной верноподданными, государевой казне полагалась часть, именуемая пошпиной. Еще позже заселившие Мясницкую и давшие ей это название мясники не хотели платить пошпину и забивали скот на собственных дворах, а отбросы сносили в пруд, получивший прозвище Поганого. Сытин считает, что прудов было несколько, но многочисленные свидетельства убеждают, что пруд был в единственном числе. Кстати, и Патриаршие пруды — это тоже один пруд. Впрочем, и одного пруда было достаточно, чтобы оморочить местность чудовищным, непродышным смрадом.

Палаты князей Юсуповых
в Большом Харитоньевском
переулке. XVII век.
Фото 1980-х годов.

◀ Наши дни. Фигурная решетка
юсуповских владений

Наши дни. Фрагмент фасада
Юсуповского дворца. ➤

И. Егоров. Церковь Феодора Стратилата при церкви Архангела Гавриила, зимняя, в Патриаршей Гавриловой слободе.
Между 1782 и 1806 годами.
Фото 1994 года

Наши дни. Архангельский
переулок

Возведена по заказу и на средства А. Меншикова на территории его усадьбы, «чтобы затмить незадолго перед тем выстроенную Сухареву башню». Памятник архитектуры барокко.

Спасение пришло от светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова, ближайшего сподвижника Петра I. Он поставил себе великолепные каменные хоромы на месте нынешнего Почтамта, разбил сады, приструнил мясников, а пруд приказал вычистить и содержать в порядке. Благодарные жители окрестили пруд Чистым и от почтительной радости возвели его в множественный чин.

Светлейший был человеком роскошным, как с обычной меткостью определил его Юрий Тынянов, он все делал с размахом, шиком и перебором. Поставив при своих палатах церковь в честь святого архангела Гавриила, он захотел, чтобы она была выше Ивана Великого. Талантливый, усердный и весьма изобретательный зодчий Иван Зарудный надстроил каменный верх деревянным шатром, и островершек золотого шпиля, увенчанного крестом, оказался на три с лишним метра выше кремлевского колосса. В начале XVIII века Меншикова башня горела, восстановили ее уже без деревянного верха, отчего она художественно выиграла, хотя и умалилась против Ивана Великого, да ведь не пристало сестре быть выше брата. Так нарек московский народ светлое диво.

Церковь называлась «почтамтской» и была воздвигнута как теплый храм «под колоколы» при церкви Архангела Гавриила. Святыня храма — икона Богоматери Нечаянная радость.

В стройной башне все соразмерно, гармонично, ее создатель, одаренный скульптор и художник, одел ее в богатый декоративный наряд. Она хорошо смотрится в любое время года и в любой час суток, но особенно красива весной на восходе солнца — нежно-розовая, со сверкающим золотым шпилем. В XVIII веке башня приютила у своего подножия скромную церковь Федора Стратилата, ее построил любимый ученик Матвея Казакова Иван Егоров.

Пруд, как уже говорилось, расчистили, но за прудом имелась другая докука: ручей Рачка, вытекавший из-за «лесных рядов» — торговли строительным лесом. От этого ручья на Покровке стояла такая грязь, что старая Троицкая церковь стала называться Троица на Грязях. И хотя в 1750 году архитектор князь Дмитрий Ухтомский разработал проект

Чистые пруды... Для иных это просто улица, бульвар, пруд, а для меня — средоточие самого прекрасного, чем было исполнено мое детство, самого радостного и самого печального, ибо печаль детства тоже прекрасна.

Юрий Нагибин. Рассказ «Чистые пруды». 1962 год

трубы, в которую можно было заключить вредный ручей и по ней сбрасывать его воды в Яузу, прошло еще много-много лет, прежде чем городские власти сладили с Рачкой и Покровка получила каменную мостовую. Словно в насмешку, по обе стороны грязевого потока обитала московская медицина: врачи и аптекари. Среди них — владелец самой большой, двухэтажной, аптеки того времени Соульс, переименованный смекалистыми москвичами в Соуса.

«Красивейшим и знатнейшим городом России» назвал Москву посол австрийского императора А. Мейерберг, побывавший в ней в XVII столетии. Экзотика русской столицы складывалась в глазах иностранца из ее архитектурного пейзажа.

Чистые пруды связаны с Александром Сергеевичем Пушкиным. Поэт увидел свет на Немецкой улице, но прожил там всего четыре месяца, после чего его увезли в имение деда по матери О. А. Ганнибала — Михайловское. Вернулись Пушкины в Москву в 1801 году и облюбовали для жительства коренную часть Москвы — окрестности Чистых прудов. Бульвара в ту пору еще не существовало. Пушкины часто меняли квартиры, но оставались долго верны Большому Харитоньевскому переулку, где последовательно жили в доме Волкова — на самом углу с Чистыми прудами, в доме Юсупова и доме генерал-майора Санти.

Наиболее интересен дом в бывшем владении князей Юсуповых. Пушкины жили в деревянном желтеньком особняке под боком каменных Юсуповских палат, сохранившихся — о чудо! — по сию пору. Первые московские богачи Юсуповы сдавали флигельки не по нужде, разумеется, а людям, представляющим для них особую важность. Таким оказался для князя Юсупова, управляющего императорскими театрами, записного театрала и владельца собственной крепостной труппы, отец поэта Сергей Львович, превосходный чтец, актер-любитель и устроитель домашних спектаклей.

Детские впечатления самые сильные, они навсегда остаются в памяти, как бы ни загружала ее последующая жизнь. Красные палаты, огромный сад напротив, с аллеями, беседкой, гротами, искусственными руинами и статуями, навсегда поразили воображение впечатлительного мальчика. Дивный юсуповский сад весь вошел в его неоконченное стихотворение «В начале жизни школу помню я...»

Вид на Большой
Харитоньевский переулок.
Фото 1980-х годов

◀ Наши дни. Пересечение
Чистопрудного бульвара
и Большого Харитоньевского
переулка

Здание на Чистопрудном бульваре, где размещается издательство «Московский рабочий». XIX век. Фрагмент фасада. Фото 1994 года

Наши дни. Теперь в этом здании офис банка >

*...И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.*

Знаменитое послание «К вельможе», возможно, тоже коренится в силе детских впечатлений, простодушной очарованности пышным и немного таинственным юсуповским миром. Ведь были знакомы Пушкину и другие вельможи с большей заслугой перед Россией, нежели дипломат-путешественник, театрал и сибарит Юсупов, с более значительной и увлекательной судьбой, крупнее характером, но Пушкин выбрал его, потому что князь Николай Борисович был родом из его детства.

Облик Москвы конца XIX века определяли «купеческие» многоквартирные дома с магазинами или мастерскими в первых этажах, а также многоквартирные секционные и доходные жилые дома.

Существует мнение, что дом Санти, куда Пушкины переехали в 1803 году, попал в роман «Евгений Онегин». Здесь остановились прибывшие из своей глуши Ларины устраивать судьбу печальной Татьяны.

*В сей утомительной прогулке
Проходит час-другой, и вот
У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился. К старой тетке,
Четвертый год больной в чахотке,
Они приехали теперь.
Им настежь отворяет дверь,
В очках, в изорванном кафтане,
С чулком в руке, седой калмык.
Встречает их в гостинной крик
Княжны, простертой на диване...*

Пушкиным отмечены еще два дома на Чистых прудах: не сохранившийся дом, принадлежавший вдове генерала Яковлева (здесь двадцатилетний Пушкин навещал великого польского поэта Адама Мицкевича), а по другую сторону дом (его тоже нет), где Пушкин бывал у своих

